

Litera

Правильная ссылка на статью:

Литневская О.А. — «Максимы» Ларошфуко в литературном и языковом контексте эпохи // Litera. — 2023. — № 2.
DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.37650 EDN: CTMPBW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37650

«Максимы» Ларошфуко в литературном и языковом контексте эпохи

Литневская Ольга Андреевна

соискатель, кафедра французского языкознания, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27 к. 7

✉ litnolga@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.37650

EDN:

CTMPBW

Дата направления статьи в редакцию:

08-03-2022

Аннотация: Предметом исследования являются «Максимы и моральные размышления» Франсуа IV де Ларошфуко — сборник афоризмов, впервые изданный в 1665 г. и ставший одним из самых значимых произведений французской классической литературы XVII в. Вопрос оригинальности данного произведения, а также его места в литературной традиции эпохи, остается, тем не менее, открытым. Целью этой статьи является попытка синтеза существующих точек зрения на оригинальность «Максим». Методом исследования является лексический и стилистический анализ сборника и его соотнесение с традициями эпохи, а также требованиями к форме и содержанию, предъявляемыми к классицистическим произведениям. Особым вкладом автора в исследование темы является обращение к широкому кругу работ и многоаспектность исследования вопроса. Хотя многие исследователи по сей день обращаются к истории жанра и историческому контексту, чтобы найти источники, повлиявшие на содержание сборника, достаточно мало остается сказанным о языковом оформлении «Максим» и их соотношении с нормативными трудами эпохи. В ходе данного анализа нами установлено, что, хотя «Максимы» и соответствуют канонам классицистического произведения, они являются результатом сложного синтеза широкого ряда явлений. На их написание повлияли исторический контекст, убеждения и привычки французской светской элиты, литературная традиция предыдущей эпохи и философские труды современников автора. Так образом мы приходим к выводу, что специфическое видение мира Ларошфуко, в

отдельных аспектах не соответствующее общепринятому мировоззрению эпохи, является большим, чем данью моде или простым подражанием.

Ключевые слова:

Ларошфуко, Максимы, Французская литература, Классицизм, Лингвистика, Генетический анализ, Семантический анализ, Стилистический анализ, Грамматика Пор-Рояля, Поэтическое искусство

«Максимы и моральные размышления» Франсуа IV де Ларошфуко — сборник афоризмов, впервые изданный в 1665 г. — стали одним из самых значимых произведений французской классической литературы XVII в. и оказали большое влияние на литературу «великого века» и последующих поколений. Вопрос оригинальности данного произведения, а также его места в литературной традиции эпохи, остается, тем не менее, открытым, что объясняет не угасающий по сей день интерес к творчеству писателя.

Многие исследователи сосредотачиваются на анализе отдельных элементов сборника (например, рассматривая отдельные темы-ключевые слова «Максим» [\[21\]](#)). Те, кто ищут источники, повлиявшие на содержание сборника, традиционно обращаются к истории жанра и историческому контексту [\[5\], \[9\]](#), но достаточно мало остается сказанным про языковое оформление «Максим» и их соотношение со сложившимися в XVII в. требованиями к языковому оформлению классицистических произведений.

Задачей этой статьи является попытка синтеза существующих точек зрения на оригинальность «Максим» в литературном и языковом контексте эпохи путем лексического и стилистического анализа творчества Ларошфуко в целом и «Максим» в частности и их соотношения с традициями эпохи и требованиями к форме и содержанию, предъявляемыми к классицистическим произведениям.

Хотя соседние жанры (сентенции, апофтегмы, афоризмы) восходят к Античности и Средневековью, жанр максимы оформился лишь в XVII в., когда создание лаконичных прозаических высказываний в рамках салонной интеллектуальной игры стало популярным в приближенном к янсенистской элите светском обществе того времени (дебаты о том, можно ли считать ли самого Ларошфуко янсенистом, продолжаются до сих пор. Существует полностью противоположное мнение: отдельные исследователи видят в Ларошфуко эпикурейца, анализируя, среди прочих, максиму 182; еще больше исследователей занимают позицию между этими крайностями [\[25, с. 5\]](#)). Считается, что в своем классическом виде максима родилась из переписки герцога де Ларошфуко (1613–1680), хозяйки литературного салона маркизы де Сабле (1599–1678) и видного янсенистского оратора Жака Эспри (1611–1677).

Хотя некоторые критики (Эмиль Мань, Луи Лафюма, Эдмонд Дрейфус-Бризак и другие) считают, что творчество Ларошфуко и мадам де Сабле является не более чем данью моде и слепым копированием образцов, шаблонов и идей, разработанных в 1640-х гг. [\[20, с. 184\], \[17, с. 276\]](#), распространена также и точка зрения, что жанр максимы обязан своим существованием коллективному творчеству писателей и философов XVII в. [\[8\], \[19\]](#). Приверженцы данной точки зрения указывают на схожесть ряда высказываний у авторов сборников максим. Так, можно сравнить максиму 199 у Ларошфуко —

«Le désir de paraître habile empêche souvent de le devenir» (Здесь и далее [\[18\]](#), перевод наш : «желание казаться умелым часто мешает стать таковым».).

— и максимуму 40 у де Сабле:

«Souvent le désir de paraître capable empêche de le devenir [...]» («Часто желание казаться способным мешает стать таковым». [\[23, с.26\]](#))

Наравне с этим ряд исследователей, таких, как Анри Граббс, Уилл Грейбенрн Моор, Жан Винь и др., заявляют об оригинальности «Максим» Ларошфуко [\[16, с. 17\]](#) и их первостепенной роли в оформлении жанра максимы таким, каким мы его знаем [\[26, с. 373\]](#). Так, сборники изречений корреспондентов Ларошфуко — «Максимы» де Сабле и «Ложность человеческих добродетелей» Эспри — будут опубликованы лишь после их смерти, тогда как «Максимы» Ларошфуко выдержали пять прижизненных изданий (1665–1678) (более раннее голландское издание 1664 г. обычно не берется в расчет при генетическом анализе «Максим», так как оно было опубликовано без разрешения автора и подверглось существенной редактуре) и породили множество подражаний. Кроме того, история публикаций автора позволяет проследить, каким образом зарождались и совершенствовались идеи, вошедшие в итоговый сборник. Уже в своих «Мемуарах» Ларошфуко делает наброски-портреты, которые впоследствии станут основами отдельных максим (90, 129, 162, 215, 251 и другие); в самих же «Максимах» проделана значительная работа по обобщению идей, которые можно найти в раннем творчестве писателя. В ходе пяти прижизненных публикаций «Максим» автор также не перестает работать над формой и содержанием сборника. Можно, например, наблюдать постепенный отказ от практических советов по борьбе с политической несправедливостью, а также религиозных аллюзий в пользу типизации описанных ситуаций. Сравним, например, итоговый вид максимы 170 —

«Il est difficile de juger si un procédé net, sincère et honnête est un effet de probité ou d'habileté» («Сложно судить, совершается ли честный, искренний и порядочный поступок из порядочности или расчета»).

— с ее прототипом, который можно найти в 155 максиме манускрипта Лианкур и шестом письме издания Трюше:

«Il n'y a que Dieu qui sache si un procédé net, sincère et honnête est plutôt un effet de probité que d'habileté» («Одному Богу известно, совершается ли честный, искренний и порядочный поступок скорее из порядочности, чем расчета»).

Среди отечественных исследователей об оригинальности содержания сборника говорит М. В. Разумовская. Опираясь на историко-философский контекст, в котором создавались «Максимы», она показывает, что, хотя творчество Ларошфуко формально соответствует канонам классицизма (суждение, обычно не вызывающее споров [\[22, р. 34\]](#)) автор пришел к этому очень своеобразным путем [\[2, с. 16\]](#). Жизнь Ларошфуко пришлось на период крушения политической независимости крупного феодального дворянства и становления французского абсолютизма. Сопrotивление абсолютизму феодалов, постепенно теряющих свои былые политические и экономические привилегии, и в меньшей степени третьего сословия породило целую политическую философию, вдохновившую Фронду (1648–1653), основной задачей которой была борьба против двора, «тирании» абсолютной монархии, роста королевских налогов. Сам Ларошфуко, активный участник и идеолог Фронды (происхождение, не традиционное для классических авторов, которым

положено поддерживать авторитет власть через свои произведения), рисует трагическую картину эпохи в своих «Мемуарах»: произвол абсолютизма, но также недоверие, беспринципность и корысть в рядах фрондеров, мешающие им как сплотиться, так и думать о благе государства. Поражение Фронды, которой Ларошфуко посвятив значимую часть своей жизни, и осознание причин этого поражения способствовали формированию новой политической философии, пессимистичного взгляда на человеческую природу, которую автор впоследствии пытается объяснить в «Максимах» [\[13, с. 6\]](#), развивая идею, выраженную в эпиграфе:

«Nos vertus ne sont, le plus souvent, que des vices déguisés» («Чаще всего наши добродетели – лишь замаскированные пороки»).

Тогда как выражение пессимистичных взглядов на общество является нормой для посетителей салонов середины XVII в. во Франции, генетический анализ сборника, прослеживание истоков и анализ выражения собственной философии автора служит доказательством того, что «Максимы» не являются лишь механическим переложением популярных идей эпохи.

Вместе с тем, если пессимистический взгляд на человечество стал результатом личного опыта писателя на социально-политическом поприще, то методология исследования человеческого сердца была вдохновлена работами философов той эпохи. Благодаря усилиям таких личностей, как Гессенди (1592–1655) и Декарт (1596–1650) в XVII в. произошел отход от мистического и религиозного познания мира в сторону его материалистического видения; было признано независимое от мышления существование материи. Представление об опыте и его разумном изучении Гассенди оказали особенное влияние на попытку Ларошфуко исследовать и описать закономерности внутренней жизни человека в «Максимах». Естественно-научный метод и рациональное мышление стали новыми эталонами, на которые следовало ориентироваться при анализе явлений как физического, так и морального плана. Так, идея о соотношении между духом и «расположением органов тела», высказанная Декартом в «Рассуждении о методе» [\[12, с. 90\]](#), находит прямое отражение в Максиме номер 44:

«La force et la faiblesse de l'esprit [...] ne sont en effet que la bonne ou la mauvaise disposition des organes du corps» (дословно: «Сила и слабость духа не более чем хорошее или плохое расположение органов тела»).

В то же время противопоставление ума (духа) и сердца, которое можно наблюдать в максимах 43, 102, 103, 108 —

«L'esprit est toujours la dupe du cœur» («Ум всегда на поводу у сердца»).

— схоже с аналогичным противопоставлением, легшим в основу «искусства убеждать» в «Геометрическом уме» Паскаля [\[4, с. 453\]](#).

Amour-propre, себялюбие, (причина, по его мнению, поражения дворянства в борьбе за сохранения старого уклада жизни) стало для автора ответом на вопрос, что движет человеком, что лежит в основе каждого его действия и помысла. Человеком по Ларошфуко движет не бог (см. максимум 169 выше), но физиология, случай и страсти; отдельные пороки и недостатки также анализируются как неизбежное следствие общих закономерностей человеческого поведения, свойственных всей человеческой расе. Таким образом, «Максимы» можно считать философским трудом, отражающим политические и философские взгляды своей эпохи.

Рациональный подход к созданию сборника также, по нашему мнению, повлиял на стиль автора и привел к несколько четкому и последовательному (пускай, парадоксально, и нелинейному из-за особенностей жанра) изложению идей автором, что это позволило Ю. С. Мартемьянову «связным образом» осмыслить и описать мир тщеславного человека по Ларошфуко при помощи единого набора исходных допущений (аксиом) и ранее доказанных высказываний (лемм), пользуясь логическими (связки, связывание или согласование переменных) и, в меньшей степени, лингвистическими (тема-рематическое членение, анализ семантики) средствами [\[1, с. 38-41\]](#).

Влияние естественного-научного метода на философские труды эпохи оказало влияние на язык, которым написаны как «Максимы» в частности, так и классические произведения «великого века» в целом: на протяжении XVII в. как литераторы, так и лингвисты формулируют требования к четкости, лаконичности, ясности и универсальности формы и содержания классических произведений.

В 1660 г., за пять лет до первого официального издания «Максим» в 1665 г., на смену устаревшим описательным грамматикам XVI в. приходит «Всеобщая и рациональная грамматика Пор-Рояля» Антуана Арно и Клода Лансло — фундаментальная универсальная рациональная грамматика, содержащая в себе элементы философии языка, а также формулирующая и закрепляющая нормы «приемлемого» французского языка. По словам автором, основой грамматики является «путь поиска разумных объяснений многих явлений, либо общих для всех языков, либо присущих лишь некоторым из них» (предисловие Арно, перевод Бокардовой Н. Ю.). В 1630 г. Жан Шаплен, советник кардинале Ришелье, публикует «Lettre sur l'art dramatique», письмо-трактат о драматическом искусстве, в котором вслед за аббатом Д'Обиньяк и Юлием Скалигером защищает правило трех единств; в 1674 г. правила классического театра, как и в целом правила хорошей, правильной литературы, увековечены в поэме-трактате Бауло «Поэтическое искусство», предписывающем писателям и драматургам «писать отточенно, изящно, вдохновенно» (перевод Э. Л. Линецкой). Стремление писателей и теоретиков к рациональному использованию языка ведет к требованию технического совершенства [\[14, с. 66\]](#): «решения <писателя> лишены предрациональной или антирациональной интуиции» [\[15, с. 156\]](#), пишет Гойе про требования, выдвигаемые Бауло.

Исследователи отмечают, что творчество Ларошфуко, близкого к янсенистским кругам Пор-Рояля, преимущественно соответствует требованиям, предъявляемым к классической литературе в целом [\[24, с. 281\]](#). «Максимы» как образцовые представитель своего жанра выражают общие истины (генетический анализ сборника свидетельствует о стремлении к типизации описываемых ситуаций: так, в максиме 261 «образование, которое получают принцы» первого издания впоследствии заменено на «образование, которое получают молодые люди», и т.п.), лаконичны, не содержат просторечий, имеют строгую и рациональную композицию, которую просто анализировать и сравнивать со сформулированными грамматикой Пор-Рояля нормами благодаря краткости изречений сборника.

Теоретики XVII в. основывают свои теории «ordo naturalis», естественного порядка, на логических пресуппозициях [\[6, с. 157-164\]](#) (предикат должен использоваться с логичным субъектом, что определяет правила согласования ассоциируемых с ними подлежащего и сказуемого, и т.д.). Отсутствие во французском языке падежей делает следование жестким правилам необходимым не только для управления синтаксисом, но и направления мысли, интерпретации реципиента. «Максимы» в подавляющей большинстве

соответствуют всем синтаксическим правилам, что было статистически доказано Жан-Морисом Мартеном и Жаном Молино, которые свели структуру максим Ларошфуко к набору четких схем. Так, они поделили все максимы на 3 семьи (простые, сложные, с параллелизмами), внутри которых происходит деление на типы (сравнения, определения и т.д.) по логико-семантическим признакам, а далее схемы и микротипы по морфо-синтаксическим признакам). Они доказали правильность и логичность языка сборника, разобрав сложные и длинные максимы на более простые схемы, в обилии используемые в более коротких изречениях. Так, например, максиму 68 можно разобрать на ряд сегментов, каждый из которых в других изречениях является основой полноценной максимы: простое определение с использованием схемы с безличным глаголом («Il est difficile de définir l'amour», «Сложно дать определение любви»), ряд определений («dans les esprits c'est une sympathie», «dans le corps c'<...>est une envie <...> de posséder», «В уме это симпатия, в теле это желание обладать»), и т.д. Подобный анализ демонстрирует синтаксическую ясность и «стилистическую simplicitas», простоту [\[10, с. 212\]](#), столь ценимую в классической литературе. Как того и требуют Арно и Лансло, «все части речи просто выражены <...>, ни одно слово ни является лишнем, ни недостаточным» [\[6, с. 160\]](#).

Катрин Костентен, продолжая синтаксический анализ «Максим» в диахронии, также демонстрирует, что «естественный» порядок слов соблюдается у Ларошфуко как и в максимах, которые в различных изданиях не менялись —

«Peu de gens connaissent la mort» («Мало кто знает смерть». Начало максимы 23 со структурой подлежащее – сказуемое – прямое дополнение).

— так и в результате упрощения максим с целью увеличения их синтаксической ясности в ходе редактирования сборника, как, например, в максиме 218 в манускрипте Гилбера, а потом втором издании 1666 г.:

«L'hypocrisie est un hommage que le vicese croit forcé de rendre à la vertu» («Лицемерие – дань, которую порок считает себя обязанным платить добродетели»).

«L'hypocrisie est un hommage que le vice rend à la vertu» («Лицемерие – дань, которую порок платит добродетели»).

При этом стоит добавить, что подобные трансформации мотивируются не одним лишь синтаксисом: новая версия просодически и ритмически симметрична. Ларошфуко, будучи писателем, а не грамматиком, стремиться сопровождать требуемую синтаксическую чистоту стилистическими фигурами, созвучиями, парадоксами. Вслед за 218й максимой также и максимы 19, 38, 40, 248, 385 между изданиями становятся более ритмичными. Тем не менее, существуют и контрпримеры, как, например, максима 86:

«Notre défiance justifie (8) // la tromperie (4) // d'autrui (2)».

«Notre défiance justifie la tromperie des autres» (в обоих случаях: «Наше недоверие оправдывает чужой обман»).

Катрин Костентен теоретизирует, что это сделано, с одной стороны, из сознательного стремления к семантической унификации, а с другой из-за желания разнообразить ритм максим, чтобы удерживать внимание читателя и сыграть на его эстетических ожиданиях [\[10, с. 221\]](#).

Разбор подобных примеров указывает на существование точки зрения, отрицающей

решающее влияние требований к классической литературе на творчество Ларошфуко. М. В. Разумовская отмечает, что моралистические опыты в меньшей степени регулируются жесткими нормами по сравнению с более «монументальными» жанрами вроде трагедии [2, с. 16]. Луи Ван Дельфт соглашается, что максимы «развились эмпирическим путем, без надзора догм» [11, с. 288]. Эрик Турет и вовсе утверждает, что под классической формой максимы можно разглядеть «динамизм глаголов, эластичность измерений референтов, или неустойчивость самого их существования, одержимость движением постоянно изменяющегося мира» [24, с. 35] — все признаки влияния барокко.

Против зависимости творчества Ларошфуко от прескриптивной грамматики высказывается Клер Бадью-Монферран: вслед за Пьерром ле Гоффик она высказывает теорию об «*enargeia*», непосредственной убедительности и насыщенности стилистической фактуры «Максим» в обход грамматических требований классицистических теоретиков [7] (так, она считает, что фигуры могут быть естественным продолжением и выражением мыслей и идей автора, а не обязательно результатом долгого рационального осмысления и совершенствования текста). Отстаивая право Ларошфуко на эстетическую и стилистическую независимость и свободу, она ставит под сомнение роль требований грамматики и логики Пор-Рояля в его творческом процессе и защищает его от упреков в подражании и имитации сформулированной теоретиками модели.

На уровне содержания сборника Эрик Тюрка прямо противопоставляет янсенистскую традицию поучать и направлять более сдержанному описательному подходу Ларошфуко, констатируя вслед за Лоранс Плазене малую пропорций глаголов *devoir* и *falloir* в сборнике: «в противоположность великой традиции янсенистских моралистов, которые, вслед за Паскалем, пытаются преподать урок своим читателям [...], Ларошфуко довольствуется простым описанием находящегося в упадке человечества, не претендуя, впрочем, на исправление их недостатков» [25, с. 2].

Подводя итоги, лексический и стилистический анализ «Максим» Ларошфуко, а также критическое рассмотрение мнений за и против идеи оригинальности творчества Ларошфуко свидетельствует об одном: хотя произведения герцога и вошли в канон классической литературы, неоспорим и тот факт, что они вдохновлены не одними лишь нормативными трудами эпохи. На Ларошфуко оказали большое влияние исторический контекст эпохи, убеждения и привычки французской светской элиты, литературная традиция предыдущей эпохи и философские труды современников, сложный синтез которых привел к оформлению уникального и специфического видения мира, в отдельных аспектах (пессимизм Ларошфуко, уход от религиозных догм) не совпадающего с распространенным мировоззрением эпохи. Благодаря этому смысловое и языковое богатство, заключенное в четких и лаконичных максимах, продолжает привлекать внимание исследователей различных дисциплин и по сей день.

Библиография

1. Мартемьянов Ю. С., Дорофеев Г. В. Опыт терминологизации общелитературной лексики (О мире тщеславия по Ф. де Ларошфуко) // М.: Вопросы кибернетики, 1983. С. 38–103.
2. Разумовская М. В. Ф. де Ларошфуко, автор «Максим»: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Л., 1964. 16 с.
3. Разумовская М. В. Ларошфуко, автор «Максим»: дис. ... канд. фил. наук / Л., 1971. 134 с.
4. Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура, М.: Республика, 1994. 495 с.

5. Alain M. La Rochefoucauld : le duc rebelle. Versailles: Le Croît Vif, 2007. 375 p.
6. Arnauld A., Lancelot C. Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal. Genève: Slatkine Reprints, 1968. 408 p.
7. Badiou-Monferran C. Syntaxe d'expressivité et ordre des mots dans les Maximes de La Rochefoucauld // Faits de langue et sens des textes. Paris: SEDES, 1998. P. 131-152.
8. Baker S. R. Collaboration et originalité chez La Rochefoucauld. Gainesville: Florida University Press, 1980. 135 p.
9. Chariatte I. La Rochefoucauld et la culture mondaine. Paris: Classiques Garnier, 2011. 322 p.
10. Costentin C. L'ordre des mots dans la genèse des Maximes de La Rochefoucauld. Y a-t-il une téléologie possible des variations du corpus ? // L'Ordre des mots à la lecture des textes. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2019. P. 209-223. doi: 10.4000/books.pul.2430
11. Delft van L. Le Moraliste Classique — Essai de définition et de typologie. Suisse: Librairie Droz S. A., 1982. 405 p.
12. Descartes R. Discours de la méthode. Paris: Librairie Ch. Poussielgue, 1896. 153 p.
13. Ehrhard L. Sources historiques des «Maximes» de La Rochefoucauld. Strasbourg, 1891. 74 p.
14. Gardes-Tamine J. La stylistique. Paris: Armand Colin, 1992. 191 p.
15. Goyet F. Raison et sublime chez Boileau. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2007. P. 139-160.
16. Grubbs H. La genèse des «Maximes» de La Rochefoucauld // Revue d'Histoire littéraire de la France, 1933. N 1 (40). P. 17-37.
17. Lafuma L. Post-scriptum au Discours sur les passions de l'amour // Revue des sciences humaines, 1953. P. 275-278.
18. La Rochefoucauld F. de. Réflexions ou sentences et maximes morales. Ed. Laurence Plazenet. Paris: Champion, 2005. 999 p.
19. Liebich C. R. La Rochefoucauld, Mme. de Sablé et Jacques Esprit. Les Maximes : de l'inspiration commune à la création personnelle. Montréal, 1982.
20. Magne É. Madame de la Suze. Michigan: University of Michigan Library, 1908. 352 p.
21. Mildred G.-S. Le mérite chez La Rochefoucauld ou l'héroïsme de l'honnêteté // Revue d'histoire littéraire de la France, 102, 2002. P. 799-811. doi: <https://doi.org/10.3917/rhlf.025.0799>
22. Montandon A. Les Formes. Paris: Hachette, 1992. 176 p.
23. Souvré Madeleine de, Sablé M. de S. Maximes De l'amitié. Editions du Livre unique, 2009. 42 p.
24. Tourrette É. La métamorphose dans les Maximes de La Rochefoucauld // XVIIe siècle : bulletin de la Société d'étude du XVIIe siècle, 2015. P. 281-306. doi: <https://doi.org/10.3917/dss.152.0281>
25. Turcat E. Les ambivalences du silence : Les Maximes de La Rochefoucauld par quatre chemins. Madison: University of Wisconsin-Madison, 2012. 272 p.
26. Vignes J. Le dictionnaire du littéraire. Paris: Presses Universitaires de France, 2002. 848 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Максимы» Ларошфуко в литературном и языковом контексте эпохи», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной ввиду того, что в нем рассматриваются афоризмы знаменитого философа 17 века. Вопрос оригинальности данного произведения, а также его места в литературной традиции эпохи, остается, тем не менее, открытым, что объясняет не угасающий по сей день интерес к творчеству писателя.

Как отмечает автор, многие исследователи сосредотачиваются на анализе отдельных элементов сборника или ищут источники, повлиявшие на содержание сборника, традиционно обращаются к истории жанра и историческому контексту. Одним из пробелов в научном знании является исследование языкового оформления «Максим» и их соотношение со сложившимися в XVII веке требованиями к языковому оформлению классицистических произведений.

Исходя из этого, задачей настоящей статьи является попытка синтеза существующих точек зрения на оригинальность «Максим» в литературном и языковом контексте эпохи путем лексического и стилистического анализа творчества Ларошфуко в целом и «Максим» в частности и их соотношения с традициями эпохи и требованиями к форме и содержанию, предъявляемыми к классицистическим произведениям.

Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, а также исследовательскую с приведением эмпирической базы.

В статье автор уделяет внимание теоретической стороне вопроса, приводя мнения различных отечественных лингвистов и зарубежных исследователей. Отметим, что автор обоснованно подошел к теоретической базе исследования и представил убедительные данные.

Все теоретические постулаты подтверждены языковыми примерами на французском языке с авторским переводом. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Однако требует уточнения объем корпуса который подвергся изучению автором, дата публикации, был ли это оригинальный текст 17 века или его адаптация к современным реалиям французского языка?

Библиография статьи насчитывает 26 источников на русском языке и иностранных языках, к которым относятся научные статьи, тезисы докладов на конференциях. Апелляция к иностранным трудам позволяет включить настоящую работу в общемировую научную парадигму. Хотелось бы подчеркнуть качество цитируемой литературы, большую часть списка которой составляют зарубежные работы и работы, датированные конце 20 - началом 21 века.

Выводы обоснованы и отображают проблематику, заявленную в статье.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц: филологам – романистам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым понятным читателю языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление от знакомства с работой положительное, статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.